

ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЕЛАБУЖСКИЙ ИНСТИТУТ

**ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
В РОССИИ:
ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ
НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Материалы международной научной конференции
(г. Елабуга, 13-15 ноября 2014 г.)

Елабуга 2014

EUROPEAN SOCIETY FOR ENVIRONMENTAL HISTORY
KAZAN FEDERAL UNIVERSITY
ELABUGA INSTITUTE

**ENVIRONMENTAL HISTORY
IN RUSSIA:
STAGES OF DEVELOPMENT
AND PROMISSING RESEARCH
DIRECTIONS**

Proceedings of the international scientific conference
(Elabuga, November 13-15, 2014)

Elabuga 2014

УДК 93:574
ББК 63.3+20,1
Э40

Печатается по решению Редакционно-издательского
совета Елабужского института Казанского федерального
университета. Протокол №43 от 27.11.2014

Редакционная коллегия:

к.п.н., доцент *Е.Е. Мерзон*, к.филол.наук, профессор *А.И. Разживин*, д.и.н., профессор *И.В. Маслова*, к.и.н., доцент *И.Е. Крапоткина*, к.и.н., старший преподаватель *А.В. Виноградов*

Э40   **Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований.** Материалы международной научной конференции (Елабуга, 13-15 ноября 2014 г.). – Елабуга: Изд-во Елабужского института КФУ, 2014. – 384 с.

ISBN 978-5-600-00830-4

Сборник содержит статьи участников международной научной конференции «Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований», которая прошла в Елабужском институте КФУ 13-15 ноября 2014 г. при поддержке Европейского общества экологической истории. В конференции приняли участие ведущие специалисты и молодые ученые, исследующие проблематику взаимодействия общества и природы в историческом прошлом, представители природоохранных ведомств и экологических служб крупных промышленных предприятий.

ISBN 978-5-600-00830-4

© Издательство Елабужского института КФУ, 2014 г.
© Коллектив авторов, 2014 г.
© Р.Р. Нутфуллин, дизайн и верстка, 2014 г.

Г.В. ЛЮБИМОВА

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирский государственный университет*

КРЕСТЬЯНСКИЕ РУКОПИСНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МАССОВОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ⁴

Аннотация. Восприятие природного окружения сельским населением Сибири рассматривается в статье сквозь призму такого источника, как мемуарная литература. Охватывая разные хронологические этапы аграрной модернизации сибирского региона, крестьянские рукописные воспоминания позволяют проследить процесс смены традиционных представлений о природе как безграничном источнике жизненных благ постепенным осознанием проблемы исчерпаемости природных ресурсов.

Ключевые слова. Крестьянские рукописные воспоминания, аграрная модернизация, экологическое сознание, сельское население Сибири.

По роду своей деятельности сельское население самым непосредственным образом связано с природным окружением. Однако экологическая культура жителей села – как в прошлом, так и в настоящем – до сих пор остается слабо разработанной темой отечественных исследований. Важной задачей экологической истории и этнической экологии является поиск релевантных источников для изучения массовых форм экологического сознания и экологического поведения. Одним из источников подобного

---

⁴ Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

рода можно рассматривать произведения «наивной литературы».

«Наивная литература» или тексты, написанные людьми «неписьменной культуры» и не владеющими нормами литературного языка, известны, по крайней мере, с первой половины XIX в. Однако лишь во второй половине XX в. это явление приобрело массовый характер [9]. «Кумулятивный эффект» всеобщего среднего образования, пишет А.П. Минаева, привел к появлению огромного количества подобных текстов – воспоминаний, дневников, стихотворений и даже прозаических художественных произведений. И если раньше «наивному» автору для создания подобного произведения требовались определенные условия (прежде всего, знание грамоты), то в настоящее время его творчество определяется только внутренней потребностью, желанием «увидеть свое время запечатленным в слове» [6, с. 68, 70].

Возникновение самого феномена «наивного письма» явилось следствием глубоких общественных трансформаций, когда впервые заговорили те, кто традиционно «безмолвствовал». Массовое «обретение голоса» теми, кого долгое время называли «безмолвным большинством», сопровождалось становлением нового направления гуманитарных исследований – «устной истории» («истории повседневности»). Отличительной чертой данного направления стало повышенное внимание к рядовому участнику исторического процесса – человеку «толпы», его жизненному опыту, эмоциям, ощущению времени и оценкам эпохи, в которую он жил [14, с. 250-251].

Характерным примером «наивной литературы» могут служить крестьянские рукописные воспоминания. Относительная новизна и немногочисленность подобного рода источников обусловлены рядом факторов. В отличие от старообрядческой среды, где уровень грамотности всегда был очень высоким, все-

общая грамотность основной массы сельского населения стала неоспоримым фактом лишь в первые годы советской власти. При этом лишь небольшая доля мужчин, рожденных в первые десятилетия XX в., смогла достичь пенсионного возраста – то есть, того периода жизни, когда у человека появляется потребность осмыслить прожитые годы, а, кроме того, имеется возможность изложить свои размышления на бумаге.

Социально-психологический портрет каждого поколения советских крестьян определялся, по словам С.Б. Адоньевой, «собственным багажом жизненных правил». Поколение, рожденное в период с 1917 г. до начала коллективизации, еще застало традиционный уклад крестьянской жизни, но уже получило советское воспитание [1]. Они многое пережили – раскулачивание, террор, войну и послевоенные трудности. Но главное, считает Н.Н. Козлова, они покинули традиционное общество: в прошлом у них – жизнь в традиционной культуре, жизнь, которую они не просто помнят, но «которая занозой сидит в их подсознании», являясь постоянным предметом размышления и точкой отсчета. Будучи незаменимым источником для реконструкции «базовых ценностей советского человека», произведения «наивной литературы», написанные в жанре «(авто)биографического нарратива на фоне процессов советской модернизации», позволяют оценить «уникальные условия вхождения советского человека в модерн» [4, с. 113-114, 122].

Яркий образец крестьянской мемуаристики представлен рукописным сочинением Сергея Ивановича Курина, хранящимся в Колыванском районном краеведческом музее Новосибирской области¹. Авторский стиль изложения (с характерными вкраплениями «официальных» речевых оборотов) отличается преобладанием устного дискурса, поэтому в целом может быть обозначен

как «разговорный». Рассказчик незаметно вводит читателя в свою жизнь, воссоздавая обстоятельства места и времени, побудившие его взяться за перо – ср.: *«После обеденного отдыха, в февральский день... сел за стол перед окном и люблюсь на природу зимы. Все попряталось под снежным покровом... Когда больше [всего] думается? ...когда нет дел, особенно в одиночку. Вот и я сейчас остался один, жена-старушка вышла к соседям. Мы с ней оба на пенсии»*. Зимний пейзаж неизбежно наводит на размышления об ушедшей жизни: *«Поглядываю в окно, и что же, вы думаете, я вижу? Картину детства своего, что осталось у меня в памяти. Свой край деревни, где я родился и рос помаленьку в крестьянской семье... Вот передо мной сейчас открытая панорама пустого поля, заросшего бурьяном... На этом месте ведь жили люди, и долго жили. Хорошие ведь дома были... А сейчас пустырь... голое место осталось»*. Зримые перемены в облике родного села пробуждают в авторе острую потребность передать свои знания о прежней крестьянской жизни современному молодому читателю: *«Ох, как быстро времечко летит! Хоть бы успеть написать историю Сидоровки»*. Как и многие «наивные» авторы, С.И. Курин отмечает, что «балует» сочинительством лишь в свободное от работы время, однако в действительности рассказчик убежден в несомненной значимости своего труда. Характерная для «наивной литературы» дидактичность проявляется в адресной направленности текста. Ср.: *«Надо торопиться, а то... никто [и] приблизительно не будет знать, откуда Сидоровка взялась. И меня бы покойного вспомнили, что оставил сидоровскому потомству память о ней»* [5, лл. 2-3, III].

В воспоминаниях автора изложена типичная история сибирского переселенческого села, основанного в конце XIX в. выходцами из центральных губерний России (Казанской, Рязан-

ской, Тамбовской и др.) в Колыванском уезде Томской губернии, на расчищенном от леса участке «лиственной тайги». В тексте рукописи подробно представлены обстоятельства возникновения Сидоровки, дана детальная характеристика этнокультурного взаимодействия первых поселенцев (русских, мордвы и чувашей), прослежена история населенного пункта вплоть до образования колхозов, при этом само повествование неоднократно прерывается авторскими размышлениями о влиянии социальных и политических катаклизмов на развитие единоличного крестьянского хозяйства. Описанный период характеризуется С.И. Куриным как *«тяжелое, мучительное»* время, для обозначения которого рассказчик использует такие выражения, как *«переворот»*, *«вся эта круговерть»* и даже *«нечестивая заваруха»*. Таким образом, рукописные воспоминания С.И. Курина позволяют проследить трансформацию традиционной культуры в категориях самой крестьянской культуры и выявить изменения, происходившие в сознании сельского населения Сибири на разных этапах аграрной модернизации. Одним из индикаторов подобных изменений может служить отношение к природному окружению, а также характер природопользования в целом.

Необходимость постоянного противодействия суровым природно-климатическим условиям, когда крестьянам приходилось буквально «отвоевывать» жизненное пространство у окружающей среды, предопределила чрезвычайную устойчивость свойственных сибирякам представлений о том, что «с природой нужно бороться». Размышляя об отсутствии *«бережного»* и *«жадного»* отношения своих земляков к природе, сузунский краевед П.Ф. Пирожков с горечью констатирует: *«Да и как с ней было не бороться, если и без того малопроизводительный труд населения Сибири иной раз сводился к нулю вследствие засухи, вы-*

мочки посевов, осенних и весенних заморозков или вредителей». Вместе с тем, представления о необходимости бороться с природой долгое время сочетались с верой в безграничность и неисчерпаемость природных запасов, что, в свою очередь, порождало бесконтрольное, ничем не регламентированное потребление ее богатств. *«Зато сама природа, – читаем у П.Ф. Пирожкова, – была настолько буйна и обильна, что не было (как казалось)... этому обилию ни конца и ни края. Лесу руби, сколько надо, и не вырубишь, траву коси и не выкосишь, рыбу лови и не выловишь... а также не выносить из лесов и полей грибов, ягод и прочих даров. Запускай палы в любом месте... – нарастет новое» [12].*

Восприятие природы как бесконечного источника жизненных благ, своего рода «безграничного плодородного потенциала», являлось одной из характерных особенностей традиционного мировоззрения в целом [13, с. 30]. Представления о неисчерпаемости природных ресурсов Сибири были существенным фактором, долгое время определявшим специфику отношения сибирских крестьян к природной среде. С точки зрения российских переселенцев, природные богатства Сибири являлись важнейшей притягательной чертой региона. Местные крестьяне, к примеру, называли Алтай «Божьей пазухой» – настолько богат он был дарами природы [7, с. 161, 169].

Подобный образ сибирского региона нашел отражение в таком массовом источнике, как письма крестьян-переселенцев на родину. Фрагмент подобного послания приводит С.И. Курин, предки которого переселились в Сибирь из Тамбовской губернии. *«Кум Николай, – писал в начале 1890-х годов оставшимся в России родственникам тамбовский переселенец Ефрем Курин, – бросай свою Тележенку и езжай... к нам, в новое село Сидоровку. Жизнь здесь хорошая. Дров... вволю. Кругом лес березо-*

вый да осиновый... Земли свежие для пашины... Мужики урожая хорошие берут, а работы по найму – хоть не отдыхай... Зима хотя и холодная, ... но никто не замерзает, в избах тепло... А какое здесь раздолье летом! Приезжай, сам увидишь... Не бойся, что пропадете с голоду или что звери растерзают. Зверя здесь и правда много, ... но не слышал я, чтобы человека загрызли или съели... Это нас бары пугали, ... чтобы не покидали их после получения вольной...»[5, л. 64, IV]. Далее уже от своего имени автор рукописи добавляет: «Сильно боялись рассейские Сибири, ... считали проклятым, разбойничьим местом... Если за Урал человек перевалил, считай, пропал – или звери съедят или с голоду умрет». Опровергая данное мнение, сам он характеризует Сибирь как «райское место», «божий рай», поясняя подобные оценки следующим образом: «Тут тебе и рыбы, сколь хошь, и дичины уйма... И хлеб родится. Скота сколько надо, столь и разводи... Работай, не ленись, все будет». При этом главным достоинством сибирской жизни автор считает отсутствие подневольного труда – «ни надзору, ни барщины, живи себе на здоровье... На вольные земли выехали, не могли наработаться... Зажили сидоровские мужики на вольных землях... Богатеть стали... веселые росейские лапотники» [5, лл. 8, 11, 14, 22-23, 82, 94-95, 120].

Следствием беспрецедентного роста сельского населения Сибири в ходе аграрных миграций конца XIX – начала XX вв. явилось резкое усиление антропогенного воздействия на природу. В своей рукописи С.И. Курин неоднократно возвращается к вопросу о том, какое влияние оказывала хозяйственная деятельность переселенцев на природное окружение: «Так и начиналась Сидоровка с шалашей да землянок... От стука топоров и людских голосов... нарушилась тишина верх-вьюнковой поймы. Забеспокоился зверь лиственной тайги... Какой зверок или птица

утерпит от страха оставаться на месте... Строение Сидоровки оттеснило певуний от своих гнездышек... А лес-то опять застонал от пил и топоров... С наплывом новоселов... стал все дальше отступать на север... местами до 20 км за тойское займище». [5, лл. 25, 26, 33, 56, 75].

Немало проникновенных страниц рукописи посвящено описанию природы сибирской «лиственной тайги» – болотистым местам за Колыванью на реке Вьюнке, поросшим «березовым лесом вперемишку с осиною да тальником с акацией». Особой авторской любовью отмечены птицы, благодаря которым Вьюнское займище характеризуется рассказчиком как «веселое место» – ср.: «А вообще-то веселое место было. С ранней весны начинается переключка птиц... Где-то филин заушает, сова застонет, куропат захохочет, косач зачувышкает... Всякая птица по-своему радуется ... Как выйдешь в поскотину, дак не наслушаешься всяких птичьих концертов... А как прилетят перелетные, так и не уходил бы с поля... Ни одна секунда не проходит без звука птичьего голоса. Настоящая музыка. Утки крикают, журавли курлычат, жаворонок рассыпает свою трель в вышине... А кукушка все в прядушки играет, складет яйцо в чужом гнезде и кричит, ку-ку, найди, кто подобросил тебе добавочной работы» [5, лл. 11, 25-26, 236-237].

Описывая родную природу, автор в первую очередь обращает внимание на потенциально полезные в крестьянском хозяйстве ресурсы окружающей среды. Отметив обилие лесных растений, рассказчик подчеркивает, что в летнее время они составляли основной продукт питания деревенской детворы – ср.: «летом пропитаться можно дарами лесных растений. Вот уж этим Сидоровка была богата». В ближних околках и перелесках произрастали «ягодные кустарники (смородина, калина, рябина,

шиповник)». Имелись также «наземные ягоды (земляника, клубника, костяника)», «травяные да и земные съедобные растения (саранки, пучки, шкерды, медунки)... Мы с ребятней с самой весны любили шляться по поскотине. Сперва медунки собирали чуть не каждый день, за ними идут пучки, шкерды... потом ягода всякая нарастет... наедались до отвалу, да и на зиму запасали в сушеном виде, пироги пекли с ягодой» [5, лл. 234-235]. В небольших озерцах водилась «рыбешка» (карась да гольян). Росший по берегам мох «шел в построение домов». Ценным сырьем считался тальник, поскольку «таловое корье шло на выделку кож и овчин». Широкие промысловые возможности определялись обилием дичи, которой хватало и людям, и диким зверям. Даже хищники, пишет С.И. Курин, бывали иной раз полезными в хозяйстве – ср.: «вон у соседа Михаила... в стожку в сене уже три года живет волчица... Дак он этот стожок и не трогат, чтоб не обидеть ее, по то что она стережет его хозяйство от остального зверья...». В целом, авторское понимание красоты, как следует из текста рукописи, явно совпадает с понятием пользы – ср.: «А красотища какая! Лес кругом, топлива хватит, дрова вольные – кизяки не надо делать...» [5, лл. 11, 14, 63 и др.]. В соответствии с бесхитростной формулой «красиво то, что полезно» характерное для традиционных воззрений отождествление утилитарной и эстетической ценности распространяется, таким образом, и на восприятие дикой природы. Не случайно, подчеркивает Н.И. Никитин, «красными» (красивыми) в народе называли те места, которые выглядели удобными для строительства поселения и вообще для проживания и приложения человеческих рук [10, с. 344-345].

Подобный прагматизм в восприятии природы был обусловлен преимущественно натуральным характером хозяйства сибирских крестьян. Материалом для постройки жилища, изго-

товления одежды, обуви, орудий труда и предметов домашнего обихода вплоть до 1930-х годов (а местами и дольше) продолжало оставаться местное природное сырье. По словам старожилов, *«вся жизнь была своедельская»* (ПМА, 1982, записано от А.Ф. Жихаревой, 1918 г.р., с. Сибирячиха Солонешенского р-на Алтайского края). *«Носили одежду своего рукоделья»*, – поясняет выросший в переселенческой семье С.И. Курин. Мало на ком можно было увидеть рубашку или штаны *«фабричного изготовления»*. *«Все было самими выращено, обработано на волокно, спрядено на пряжу, да выткано на ручных станах. Особенно (теми) которых душила беднота»*. *«Самой роскошной обувью»* у переселенцев считались *«новенькие, фигуристо сплетенные лапоточки... из талового лыку»*, в которых ходили круглый год, меняя по сезону только портянки. Тем не менее, подводя итог двадцатилетнему существованию Сидоровки, автор констатирует, что в селе появились богатые крестьяне, имевшие *«большие площади пахотной и покосной земли»*. Имелись уже и *«купчишки»*, державшие лавочки и торговавшие *«всем необходимым... – солью, спичками, керосином и даже мануфактурой (ситцем)»*. Они же закупали *«сельхозинвентарь на конной тяге... – сенокосилки, молотилки, жатки, самосброски»*. Была даже *«диковинная машина... единственная на все село сноповязалка»* [5, лл. 31-32, 70, 84-85, 180, 200, III, IV].

Поступательное развитие переселенческого села в первые десятилетия XX в. неоднократно прерывалось войнами, революциями и прочими бедствиями, в результате которых многие крестьянские хозяйства разорялись: *«С начала (германской) войны срезалось развитие многих хозяйств... стали некоторые семьи беднеть... (а) тут революция следом... С (началом) гражданской войны (еще) больше горя пришло... Вот тут-то Сидоровка поч-*

ти совсем обнищала...». Отмечая, что «торможение в развитии» наблюдалось «в годы германской войны да революционного перемена царской власти на советскую», автор связывает период относительного благополучия (когда снова «воспрянули духом мужики») с «народно-экономической политикой»(НЭПом), который продляет до тридцатых годов, «пока не было кулацкого погрома» [5, лл. 87-89, 142, 144, 146, 223, III, IV].

Новая индустриальная цивилизация, пишет Н.Н. Козлова, надвигалась на деревню через постоянные экспроприации и внешнее привнесение технических средств. Оказывая модернизирующее воздействие на сельское население, новая техника зачастую воспринималась в «квазимагических категориях» [4, с. 116]. Большое внимание в своем описании С.И. Курин уделяет уровню технической оснащенности сельского хозяйства, появлению сельхозтехники на конной тяге, проблемам механизации сельскохозяйственного производства. Огромное впечатление от первого в Сидоровке трактора передано в рукописи через традиционное для таких случаев сравнение техники с нечистой силой. Всех ребятишек, прокатившихся на «самоходных чудовищах», матери, по словам автора, решили вести к попу в церковь – «служить молебен и кропить святой водой», чтобы из них вышла вся нечисть [5, лл. 323-329]. Что касается экспроприаций, то основная тяжесть «твердых планов сдачи хлеба» легла на зажиточные хозяйства: «Крепко стали прижимать коллективизацией сидоровских мужиков... Некоторых признавали кулаками с лишением гражданских прав и ссылкой в таежные необжитые места». Реакцией крестьян на небывалые притеснения зачастую было «разбазаривание» имущества. «Некоторые мужики, – пишет С.И. Курин, –быстро поняли политику сельского совета... (и) пораспродали лошадей в городе, оставив по одной лошади на двор».

Многие зажиточные крестьяне *«под нажимом непосильных налогов... пооставляли свои дома»* с хозяйственными постройками, взамен которых получили *«справки на право перемены (места) жительства»*. Вот и *«осталась Сидоровка как щипаная курица»*, – заключает автор [5, лл. 288, 321, 344].

Главной причиной нежелания односельчан вступать в колхозы рассказчик называет царившую в них бесхозяйственность: *«Хозяев поразорили, а доброго ничего не сделали... Сколько там гинуло кулацких построек! Только в дело мало что пускали, а большие все на дрова шло»*. Особенно резких оценок автора удостоиваются способы содержания скота: *«Голытьба, вступившая в колхоз... к общему имуществу относилась по-варварски. Запарился конь, упал в борозде или в пряжке сеялки, но и черт с ним, он же не мой, колхозный, другого запрягу. Сколько коней так угробили!»*. За год *«поперекалечили»* почти всех лошадей [5, лл. 328-329, 342-343, 353]. Другой темой, сопровождающей воспоминания С.И. Курина о коллективизации, стала тема голода. *«Пощипали (мужиков)... большими налогами, – пишет автор, – да хлебом здорово обидели... Выгребали все под метелку. Если кто (зерна) не припрятал... голодом оставался всей семьей. Ходили колосья собирали, (тем и) кормились. Тут и лебеда пошла в хлеб, и разные травы. Кто чем мог, тем и промышлял... Было дело, (даже) раскапывали в полях хомячьи норы... Хомяк, – сообщает в авторском отступлении С.И. Курин, – он запасливый зверек... (у него) под землей хранилища зерна или овощей (устроены). Столько, что не съедает за зиму, еще и на лето остается много... Взрослые и ребята... раскапывали такие хомячьи склады и доставали по три и больше ведра чистого зерна, больше всего пшеницы»* [5, лл. 274-275].

Именно 1930-е годы стали тем хронологическим рубе-

жом, когда произошло окончательное разрушение традиционных связей человека с землей, отторжение крестьянина от земли, утрата крестьянской психологии и инициативы. Представления о крестьянской земельной собственности, пишет И.В. Власова, заменил «принцип работы на ничьей земле». Личная ответственность за землю исчезла [2, с. 32, 134]. Отчуждение от земли и от результатов земледельческого труда не могло не сказаться на отношении сельского населения к природной среде.

Высокий экологический потенциал крестьянского единоличного хозяйства, считает Т.К. Щеглова, определялся хорошей адаптированностью сельскохозяйственного производства к природно-климатическим и ландшафтными условиям конкретной местности, будь то степные или таежные участки, ложки или согры, низины или возвышенности. Крестьяне хорошо знали производительные окрестности своего села, потенциальные возможности конкретного участка – особенности почвы и климата. В зависимости от этого определялись сроки посева и уборки урожая, состав культур, способы содержания скота, рациональное сочетание различных направлений хозяйственной специализации. Утверждение системы хозяйствования «по команде сверху», а также распространение колхозно-совхозной практики массовых пахот и посевов одинаковых культур на больших площадях без учета природно-климатических и ландшафтных условий конкретных местностей привели к потере крестьянских производственных традиций [14, с. 81-82, 84, 113, 470]. Идеалом сельскохозяйственного ландшафта на долгое время стало огромное поле «без единого холмика, кустарника или деревца». Удобный для быстрого механизированного ухода за посевами такой ландшафт, как выяснилось в дальнейшем, разрушал плодородие почвы, а поддержание монокультурных агроэкосистем становилось возможным

лишь при условии массивированной химизации [11].

В массовом экологическом сознании сельского населения именно «химия» явилась одной из причин заметного сокращения видового разнообразия растительного и животного мира, произошедшего на протяжении жизни одного поколения. *«Какая же красотища была в поскотине! А пенье птиц как интересно бывало слушать!»* – вспоминает С.И. Курин. *«Не то, что сейчас – никакой птички не услышишь. Это все подействовало отравление химикатов»*, – заключает автор [5, лл. 235-236]. Удивительные параллели подобным воззрениям находим в сочинениях современных писателей-старообрядцев. Так, в произведении енисейского крестьянского писателя А.Г. Мурачева, озаглавленном «Наука и техника природе убийца» (1983), говорится, что именно «химия» послужила причиной, по которой *«изгнули»* или *«совсем ушли к отмиранию десятки пород»*, заботливо сохраненных Ноем *«от гибели потопа»*. В силу ярко выраженного эсхатологического характера старообрядческого мировоззрения, наблюдаемые сегодня явления, когда *«лес сохнет, трава блекнет... скалы и камни дряхлеют, моря и реки мелеют»* расцениваются автором как неопровержимые признаки наступления «последних времен» [3, с. 398-399].

В прежние времена, пишет в этой связи Н.Н. Моисеев, «процессы взаимной адаптации общества и природы шли веками», поэтому «они могли становиться заметными лишь на интервале жизни многих поколений». В настоящее время ситуация стала качественно иной: «антропогенные изменения окружающей среды уже при жизни одного поколения существенно меняют условия жизни людей» [8, с. 341-342]. Являясь ценным источником для изучения экологического сознания, крестьянские рукописные воспоминания помогают, таким образом, проследить динамику

отношения сельского населения к природной среде в контексте неизбежных процессов аграрной модернизации, а также социальных и политических катаклизмов XX в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПМА – полевые материалы автора.

1. Адоньева С.Б. Три поколения советских крестьянок: социально-исторический контекст полевых исследований // Декабрьские чтения памяти Н.М. Герасимовой. 18 декабря 2010 года. – URL: <http://www.folk.ru/Research/conf.php?rubr=Research-conf> (дата обращения 10.08.2014).
2. Власова И.В. Традиционное сельское хозяйство на Русском Севере // Традиционный опыт природопользования в России / Под ред. Л.В. Даниловой, А.К. Соколова. М.: Наука, 1998. С. 119-138.
3. Духовная литература староверов востока России XVIII – XX вв. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2005. – 584 с.
4. Козлова Н.Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии // Социологические исследования. 1994, № 6. С. 112-123.
5. Курин С.И. Какой была Сидоровка. – Колыванский районный краеведческий музей Новосибирской области. Рукопись.
6. Минаева А.П. «Наивная литература»: творчество и стереотипы // Традиционная культура. 2003, № 2. С.68-74.
7. Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири. XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск: Наука, 1991. – 210 с.
8. Моисеев Н.Н. Современный рационализм. М.: МГВП КОКС, 1995. – 376 с.
9. «Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С.Ю. Неклюдов. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – 246 с.
10. Никитин Н.И. Традиционная практика природопользования и экологические аспекты народной культуры // Традиционный опыт природопользования в России / Под ред. Л.В. Даниловой, А.К. Соколова. М.: Наука, 1998. С. 335-355.
11. Пестициды в экосистемах: проблемы и перспективы. Анали-

- тический обзор. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1994. – 142 с.
12. Пирожков П.Ф. Гриша: характеры старой деревни. – Сузунский районный краеведческий музей Новосибирской области. Фонд П.Ф. Пирожкова (1908-1979). Машинописная рукопись.
  13. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Новосибирск: Наука, 1989. – 243 с.
  14. Щеглова Т.К. Устная история в XX столетии: метод, источник, направление исторических исследований или самостоятельная дисциплина? // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 7. Барнаул: БГПУ, 2008. – 504 с.

G. LYUBIMOVA

Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch (Novosibirsk)

PEASANT MANUSCRIPT MEMORIES AS A SOURCE FOR THE STUDY OF MASS ENVIRONMENTAL CONSCIOUSNESS OF RURAL POPULATION IN SIBERIA

Abstract. Perception of the natural environment by the rural population of Siberia is considered in the article through the prism of such a source as memoirs. Peasant handwritten memories embrace different chronological stages of agricultural modernization of the Siberian region. This allows the author's tracing the process of changing the traditional ideas of nature as an unlimited source of life benefits to gradual awareness of the problem of natural resource depletion.

Keywords: peasant handwritten memories, agricultural modernization, environmental awareness, rural population of Siberia.